

0353

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кимберли Энн

ФАКТОР СТРАСТИ

Подари себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кимберли ЛЭНГ

Фактор страсти

«Центрполиграф»

2011

Лэнг К.

Фактор страсти / К. Лэнг — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Из-за нелепого инцидента предвыборная кампания сенатора Маршалла под угрозой. Он поручает своему сыну, Брейди, привлечь на свою сторону виновницу переполоха, Эспин Бридлав. Брейди принципиально не заводит романы со своими служащими, однако для Эспин, которая совершенно не похожа на женщин его круга, он делает исключение...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кимберли Лэнг

Фактор страсти

Глава 1

– Опять «да здравствует революция»!

Брейди Маршалл оторвался от письма, которое в этот момент отправлял, и увидел, что менеджер по кадрам его отца стоит у окна и смотрит на Конститушн-авеню.

– Что там? – поинтересовался Брейди.

– Протестующие, но их мало, по крайней мере человек пятьдесят. – Натан покачал головой. – Неужели им больше нечем заняться утром в пятницу?

Натан – пессимист, жертва многолетнего вращения в политических кругах. Он – отличный менеджер, благодаря ему офис сенатора Маршалла всегда работал эффективно и без сбоев, но он давно утратил способность видеть цель. После выборов Брейди придется серьезно поговорить с отцом. Им требуется приток свежей крови.

– Возможно, они усвоили в школе понятие гражданского долга, – заметил Брейди, – и решили в этот чудный осенний день воспользоваться правом, которое дает им первая поправка, – правом высказать недовольствие... Против чего они протестуют?

– Это так важно?

– Да. – Брейди подошел к окну. Он не мог, конечно, слышать выкрики протестующих, но видел, что они возбуждены и взволнованы. – Если я собираюсь пройти мимо них, то должен знать: им не нравится результат последнего голосования или цвет моих кожаных ботинок.

– Зачем вам туда идти? – поинтересовался Натан.

– Мне надо встретиться с другом на набережной, а самый короткий путь – мимо них.

Натан поднес к глазам небольшой бинокль и направил его на толпу:

– Не могу сказать точно...

– Послушайте, – Брейди отошел от окна и начал собирать вещи, – отцу стоит в этом разобраться до того, как в среду мы встретимся с новым консультантом. Конечно, если сенатор собирается активно участвовать в выработке стратегии. Если нет, этим займусь я.

Брейди впервые участвовал в предвыборной кампании официально, хотя, честно говоря, занимался этим всю свою жизнь. Его не очень привлекала политика, он не собирался занять в сенате кресло, которое его семья занимала больше сорока лет, но выборы – другое дело. Это увлекательная игра.

Натан кивнул. Брейди открыл дверь в офис и приемную. Служащие его отца занимались своими делами. Приемная была почти пуста. Только несколько человек ожидали встречи с кем-то. Все с интересом смотрели на молодую женщину, которая стояла у стола секретарши и что-то возбужденно говорила ей. Брейди остановился и прислушался.

– Мэм, вам должна быть назначена встреча. – Льюис говорила спокойно, доброжелательно, но твердо.

– Я знаю и поэтому очень хочу, чтобы меня записали на прием. В любое удобное для сенатора время.

Эта женщина, вероятно, новичок в таких делах. Она не понимает, что у нее нет ни единого шанса на встречу с его отцом. Кроме того, никто не примет ее всерьез в такой одежде: облегающей водолазке, длинной широкой юбке, примитивных украшениях. Внимание Брейди привлекла копна непослушных волос, которым не позволяла падать на лицо пестрая лента. Он готов был поспорить, что дамочка принадлежит к компании протестующих смутьянов. Но если кто-то и выглядел привлекательно в наряде хиппи, так это она. Тоненькая, но не хрупкая,

с элегантным профилем. Внешность удачно гармонировала с тем, что было на ней надето – вплоть до сандалий.

Многочисленные браслеты на руке дрожали и звенели, когда незнакомка подкрепляла свои слова жестами.

– Я как член-учредитель и спикер «Инициативы планеты людей» хочу предложить сенатору сотрудничество с нашей организацией. Сейчас самый подходящий момент для того, чтобы сенатор занял более жесткую позицию в отношении законодательства, касающегося окружающей среды, и возглавил...

Льюис подняла руку и прервала поток красноречия:

– Мисс...

– Бридлав, – подсказала женщина.

– Мисс Бридлав, на этой неделе и сенатор, и его сотрудники очень заняты. Ни у кого из них не будет времени встретиться с вами, несмотря на благородные задачи вашей организации, – сказала Льюис с терпеливой улыбкой. – Если вы свяжетесь с нами – по соответствующим каналам – через неделю, мы найдем члена команды сенатора, который поможет вам. Губы женщины плотно сжались. Она поняла наконец, что не добьется ничего, кроме вежливого отказа. Брейди немного сочувствовал ей: холодный душ всегда неприятен.

– Понимаю. Могу я оставить кое-какую информацию, которую сенатор, возможно, просмотрит?

Победившая Льюис на сей раз улыбнулась искренне:

– Да, конечно.

Пока мисс Бридлав рылась в своей тряпичной сумке, Льюис заметила сына сенатора, и ее улыбка стала извиняющейся.

– Мне очень жаль, Брейди, но до завтра я не смогу получить запрошенную вами информацию.

– Ничего страшного, – успокоил он секретаршу. – Она потребуется сенатору за десять минут до митинга.

– Да, действительно.

Когда Брейди выходил из приемной, Льюис брала у мисс Бридлав какие-то бумаги.

Льюис принадлежала к числу преданных сотрудников. Она работала еще с дедом, а когда тот отошел от дел, осталась работать с отцом. Если честно, Брейди удивило это ее решение: Льюис была посвящена в многочисленные, не всегда красивые, подробности их личной жизни. Тем не менее неприязнь к Дугласу Маршаллу как человеку не помешала ей работать с Дугласом Маршаллом – сенатором.

Как и Брейди.

– Мистер Маршалл, мистер Маршалл, пожалуйста, подождите!

Брейди обернулся и увидел, что женщина бежит к нему. Двери лифта открылись. Привитые бабушкой, которую внуки называли Нана, хорошие манеры не позволили ему войти в лифт и уехать.

– Спасибо, – задыхаясь, поблагодарила мисс Бридлав, когда двери лифта закрылись. От пробежки по холлу ее щеки разрумянились, прядь волос выбилась из-под ленты и упала на лоб. На лице не было никакой или почти никакой косметики. Ясные зеленые глаза взглянули на него. – Мистер Маршалл, – начала она, – я – член «Инициативы планеты людей»...

– Прошу извинить, что перебиваю вас, но я не тот человек, к которому вам следует обратиться.

– Вы – Брейди Маршалл, правда? Сын сенатора Маршалла.

– Да. Но я не принадлежу к числу его служащих.

– Вы – руководитель его предвыборной кампании.

Брейди не знал, гордиться ему или сердиться.

– И, как таковой, я не имею права вмешиваться в его рабочее расписание. Я не в силах помочь вам встретиться с ним.

– Но вы, по крайней мере, можете меня выслушать.

Брейди, из-за своих хороших манер запертый в лифте с этой женщиной, не знал, как вывернуться. Да она и не оставила ему такой возможности.

– Если сенатор поддержит ИПЛ, члены нашей организации помогут ему в предвыборной кампании. Они активны, известны по всей Виргинии, широко представлены в Интернете. Вы знаете, как ценна инициатива снизу...

К счастью, в этот момент лифт остановился на первом этаже, и двери открылись. У Брейди появилась возможность прервать настойчивую визитершу.

– Льюис взяла у вас документы, и если ваши планы окажутся...

– У нас нет твердых планов, – перебила молодая женщина, а когда он попытался пройти мимо нее, потрусила за ним, продолжая непрерывно говорить: – Мы просто ставим задачу сделать эту планету лучше, удобнее для людей, которые на ней живут.

– Это достойно уважения.

Брейди вышел на улицу и зажмурился от яркого солнечного света.

Мисс Бридлав не отставала:

– С помощью сенатора Маршалла...

А, черт! Он оказался прямо напротив протестующих. Через секунду три человека отделились от толпы и преградили им дорогу.

Боже праведный! Брейди не желал иметь дело ни с чем подобным.

– Мистер Маршалл, если бы вы уделите мне двадцать минут, то, я уверена, согласились бы, что цели ИПЛ... – начала мисс Бридлав, однако ее прервал кто-то из соратников.

– Нельзя, чтобы планету продолжали эксплуатировать и дальше – ни это правительство, ни какое-либо другое! – прокричал человек в зеленой майке.

– Мы не можем стоять в стороне, – добавила стоящая рядом женщина.

Брейди, стараясь сдержать злость и отчаяние, прервал их:

– Я уважаю ваш энтузиазм. И я уверен, вам известно, что сенатор Маршалл давно пользуется поддержкой защитников окружающей среды, так как в свою очередь поддерживает многие инициативы «зеленых». Но, как я уже говорил мисс Бридлав, я не тот человек, к которому вам следует обращаться.

– А я думаю, вы именно тот человек, – сказала она спокойно и взяла его за руку. Ее зеленые глаза смотрели искренне и задорно. Что-то в ней потрясло Брейди. – Ваша семья пользуется огромным влиянием и действительно может кое-что изменить.

Влияние семьи? Ну да.

– Я прошу прощения у всех вас, но мне действительно некогда.

Человек в зеленой майке подошел ближе:

– Я тоже прошу прощения.

И прежде чем Брейди успел понять, что имеет в виду Зеленая Майка, он почувствовал, как что-то холодное коснулось его запястья, и тут же раздался щелчок.

– Какого... – Он поднял руку, и рука мисс Бридлав тоже поднялась.

Они были скованы одними наручниками. Зеленая Майка выкрикнул что-то маловразумительное и исчез в толпе.

– Кирби, вернись! – воскликнула молодая женщина. – Сними эту штуку!

Толпа пришла в неистовство. Люди кричали, пели, скандировали лозунги.

На счастье, появилась полиция. Полицейский, давным-давно знавший Брейди, смеясь, подошел к ним:

– Вы хотели, чтобы вас соединили наручниками с этой леди? Проводить вас куда-нибудь?

– Очень забавно, Роберт. Просто сними наручники.

Роберт сурово посмотрел на мисс Бридлав:

– Понимаете ли вы, что удержание кого-либо против его воли – серьезное преступление?

Ее глаза расширились, она попыталась стянуть наручник с запястья:

– Я такая же жертва, как и он.

– Можно, мы потом разберемся, кто виноват? – Брейди протянул их скованные руки Роберту, и тут же опустил, заметив людей с кинокамерами. – Давайте зайдем внутрь.

Роберт кивнул и повел их обратно к двери.

Комизм ситуации подчеркивало то, что мисс Бридлав старалась держаться подальше от Брейди, выворачивая свою руку самым невероятным образом.

Но в этой ситуации был и положительный момент: она наконец-то замолчала.

Идя вслед за Брейди и полицейским обратно в «Рассел билдинг», Эспин закусил губу. У нее не было выбора – благодаря глупости Кирби.

И дело не только в унижительном положении. Выходка Кирби была способна уничтожить мизерное желание помочь, которое она сумела пробудить в Брейди Маршалле. А это лишило ее последнего шанса на встречу с его отцом.

Иногда надо кричать и протестовать, но порой сила заключается в спокойствии. Любой активист это знает. Кирби – новичок, к тому же слишком темпераментен, а потому не видит разницы. А теперь и она, и ИПЛ будут расплачиваться за его опрометчивый поступок.

Эспин шла через вестибюль с высоко поднятой головой. Мистер Маршалл, слава богу, казался скорее огорченным, нежели рассерженным.

Напасть на сына и руководителя предвыборной кампании сенатора Маршалла было глупо, хотя Эспин на минуту показалось, что эта глупость может принести пользу. А теперь надо освободиться от наручников и посмотреть, можно ли спасти хоть малую толику из того, что ей удалось сделать.

Дверь с полицейской эмблемой вела в маленькую комнату без окон, очень удобную для допроса подозреваемых. Эспин задумалась: не собираются ли ее арестовать – впервые в жизни. Офицер Р. Ричардс, если верить надписи на жетоне, осмотрел наручники:

– Хм... Проблема.

– В чем дело? – поинтересовался Брейди.

– Наручники нестандартные. Их нельзя отпереть обычным ключом. – Ричардс повернулся к Эспин и сурово взглянул на нее: – У вас случайно нет ключа, мисс?

– Нет, – процедила она сквозь зубы. – Это не мои наручники. И не моя идея.

– Значит, их придется разломать.

Брейди вздохнул:

– И сколько времени это займет?

– Пару минут, как только я найду кусачки. А вот искать их, возможно, придется немного дольше.

Мистер Маршалл наконец посмотрел прямо на Эспин, и глубина его глаз породила в ней какое-то странное ощущение.

– По-моему, у нас нет выбора, – сказал он, опять повернувшись к полицейскому. – Идите, ищите кусачки.

– Не возражаете остаться с леди вдвоем на несколько минут? – спросил Ричардс.

Мистер Маршалл оглядел ее с головы до ног и рассмеялся:

– Думаю, это абсолютно безопасно.

Они говорили так, словно ее тут не было. Эспин старалась сдерживать гнев, пока офицер не подошел к двери.

– Извините, а меня никто не хочет спросить, согласна ли я остаться в комнате без окон, скованная наручниками с совершенно незнакомым человеком?

– Я могу поручиться за Брейди. Все будет в порядке.

И они остались одни.

Свое заявление Эспин сделала полушутя, но теперь реальность больно ударила ее. Комнатка маленькая, а Брейди Маршалл – мужчина крупный, широкоплечий, почти на фут выше ее. Не имея возможности отодвинуться от него дальше, чем на расстояние вытянутой руки, она невольно вдыхала запах его крема после бритья и ощущала тепло, которое, казалось, излучала его кожа. Прибавьте к этому крепкий подбородок, падающие на лоб волосы цвета меда, глубокие зеленые глаза...

Самым ужасным было не публичное унижение и даже не раздражение, которое – Эспин догадывалась – едва сдерживал Брейди Маршалл, а то, что она не возражала против наручников. Это было смехотворно, но она не могла не чувствовать странные искорки, бегающие по коже.

Тишина подавляла. Эспин села на стол, позволила туфлям упасть на пол и попыталась расслабить руку, соединенную с его рукой. К ее удивлению, Брейди Маршалл уселся рядом с ней, так что их руки смогли опереться о столешницу.

– Откуда вы знаете, что оставаться со мной наедине безопасно? – спросила она. – А вдруг я – специалист по восточным единоборствам или еще кто-нибудь в этом роде?

Одна темно-русая бровь взлетела вверх. Он снова медленно оглядел ее, отчего по коже опять побежали мурашки.

– В самом деле?

– Нет, – призналась Эспин, – но вы этого не знали.

Уголки его губ дрогнули.

– В данных обстоятельствах я готов был рискнуть. И Роберт знает меня много лет. Иначе он не оставил бы вас здесь. Уверяю вас, я совершенно безопасен.

Почему она чувствует себя оскорбленной?

– Это радует.

– Мисс Бридлав...

– Эспин, – поправила молодая женщина. – Мне не нравится, когда меня называют мисс Бридлав. Мое имя Эспин.

Маршалл чуть нахмурился:

– Как дерево осина?

Она кивнула.

Он рассмеялся. И его лицо преобразилось: стало лицом обычного человека, а не бюрократа. Вокруг глаз появились забавные маленькие морщинки. Эта перемена плохо сказалась на и без того натянутых нервах Эспин, как и обида на то, что он посмеялся над ее именем.

– Теперь я понимаю, почему ваш приятель, убегая, кричал что-то о связи с деревом, – заметил Маршалл. – Я думал, он ненормальный.

Он смеется не над ней. От этой мысли Эспин стало немного легче.

– Кирби не мой приятель. И он не ненормальный. Просто немного экзальтированный. – Она улыбнулась. – Мне действительно очень жаль, мистер Маршалл.

– Принимая во внимание все факторы, я думаю, вам стоит называть меня Брейди.

Его настроение, похоже, немного улучшилось. Не злой, не расстроенный, он стал другим человеком.

– Конечно, Брейди. – Она попыталась протянуть руку для рукопожатия и тут же вспомнила, по какому поводу они здесь оказались. – Приятно познакомиться.

– Мне тоже, хотя я предпочел бы, чтобы это произошло при несколько иных обстоятельствах. – В уголках его губ мелькнула улыбка. – Надо предупредить человека, который ждет меня, что я опоздаю.

– Разумеется.

– Для этого мне необходим телефон. – В его голосе явно звучал смех. – Я правша. – Брейди кивнул на соединявшие их наручники. – А телефон лежит в правом кармане.

Эспин поняла. Он не может достать телефон левой рукой, а правая пролезет в карман только вместе с ее рукой.

– Ну, – сказала она, краснея, – для этого требуются более близкие отношения, чем у нас с вами.

Удивительно! Он ей подмигнул:

– Значит, хорошо, что мы стали обращаться друг к другу по имени.

Она отвела взгляд и постаралась продемонстрировать, что ей это безразлично. Рука Эспин скользнула по его бедру, когда Брейди опустил руку в карман. Телефон лежал глубоко, а наручники не оставляли места для маневра. Брейди выругался про себя.

– Вы можете залезть поглубже в мой карман и достать телефон? – спросил он.

– Вы серьезно?

«Он хочет, чтобы я запустила руку ему в брюки...

Нет, только в карман», – поправила она себя. Телефон зазвонил. Лицо Эспин горело, словно в огне. Она прокашлялась. «Ничего страшного. Мы взрослые люди. Мы оказались в необычной ситуации и должны действовать заодно».

Но опустить руку в карман этого мужчины?..

Телефон продолжал звонить. Брейди кашлянул и наклонился к ней. Эспин пришлось вывернуть руку, чтобы залезть в карман. Близость Брейди действовала ей на нервы.

Она старалась по возможности прижимать руку к наружной стороне кармана, но не могла не почувствовать, как сильны мышцы его бедра. Интересно, чем он занимается в свободное время, если развил такую мускулатуру?

К счастью, пальцы женщины быстро нащупали телефон и извлекли его прежде, чем все ее тело начало дрожать от смущения... Или по какой-либо иной причине.

Брейди улыбался, когда она протягивала ему телефон, но это не помогло. Эспин отвернулась, решив хотя бы символически не мешать ему разговаривать. Но на самом деле ей требовалось время, чтобы прийти в себя.

Она слышала, как Брейди, смеясь, объяснял кому-то, что его задержали, и обещал позже все объяснить и назначить новое время для встречи.

– Все в порядке, Эспин? – спросил он, опуская телефон в левый карман.

– Я в порядке. – «Насколько это возможно в такой ситуации». – Мне очень жаль, что я спутала ваши планы.

– Я верю, что вы говорите правду, утверждая, что это не ваша идея. Кстати, передайте – Кирби, да? – что человек, с которым он сыграет эту шутку в следующий раз, может не проявить понимание.

– Значит ли это, что вы не собираетесь заявлять в полицию?

Попасть в полицию за нарушение общественного порядка, что часто случалось с манифестантами, – это одно. А удержание сына сенатора против его воли – совсем другое. И ни один судья не поверит, что она просто невинная жертва.

– Я не собирался это делать.

Страшный груз свалился с ее плеч.

– Спасибо. Обещаю, что лично сверну Кирби шею за эту выходку.

– Я не могу понять, чего он хотел этим добиться.

– Это привлекло ваше внимание, правда? – (Брейди удивленно посмотрел на нее.) – А знаете ли вы, как тяжело привлечь чье-либо внимание в этом городе? Особенно если вы – не важная шишка.

– Могу себе представить. Но надевать на людей наручники...

Эспин не собиралась скрывать раздражение:

– Нам постоянно твердят, что мы должны принимать участие, но мы видим, что на самом деле никто этого не хочет. Нам говорят, что наш голос будет услышан, но, похоже, никто не хочет нас слушать. Это касается не только выступления нашей организации. Многие из нас – активисты с давних пор, и они поняли, что на самом деле никому не интересно, что мы хотим сказать.

Брейди медленно кивнул:

– Могу представить, как это тяжело.

– Это не просто тяжело! – выкрикнула Эспин, возмущенная его покровительственным тоном.

– Но протест не открывает пути к взаимопониманию. Он очень скоро превращается в соревнование «Кто может прокричать громче».

– Но, – парировала она, – нам остается надеяться, что, если мы будем кричать достаточно громко и достаточно долго, кто-нибудь все-таки нас услышит. Необходимо, чтобы нас услышали. Вы видели, что делают высокогорные шахты с Аппалачами? А как выглядит лес после того, как вырубят деревья? Вы когда-нибудь счищали нефть с морских птиц? – (Брейди покачал головой.) – А я – да. Конечно, это не оправдывает Кирби, но я понимаю, чего он хотел.

Некоторое время Брейди хранил молчание, и Эспин начала беспокоиться. Может быть, она зашла слишком далеко?

– Я поговорю о вас с Льюис. Я не берусь устроить вам встречу с сенатором, но возможно – только возможно, – мне удастся сделать так, чтобы вас принял кто-нибудь из его людей.

– Вы это сделаете? – Слово «потрясение» даже отдаленно не могло описать ее состояние.

– Непременно. Но не из-за этой пакости, – добавил он. – Не хочу, чтобы кто-нибудь принял это на вооружение.

– Конечно нет. Спасибо вам.

Выражение его лица смягчилось, в зеленых глазах появилась опасная теплота.

– Я ничего не могу гарантировать, но человек столь страстный и искренний, как вы, заслуживает, чтобы ему дали шанс.

Ух! Эспин не знала, что поразило ее сильнее – то, что она сумела-таки кое-чего добиться, или что Брейди Маршалл считает ее страстной и искренней. Его комплимент потряс женщину до кончиков пальцев.

Она видела Брейди по телевизору, когда он выступал вместе с отцом, и он всегда выглядел неприступным. Но этот человек был не тем, кем казался. Когда он опять ей улыбнулся, потрясение перешло в дрожь.

Эспин кашлянула:

– Я, хм...

Но тут вернулся Ричардс, и опасность, что она выпалит какую-нибудь глупость, миновала.

– Нам редко приходится ломать наручники, так что я не привык иметь с этим дело. – Полицейский показал огромные кусачки.

Брейди встал, засучил рукав пиджака и расстегнул манжет рубашки.

– Кто первый? – спросил Ричардс.

– Сначала дама. – Брейди положил их руки на середину стола. – Эспин?

Эспин подняла рукав майки и отодвинула браслеты подальше от запястья:

– Не уверена, что хочу быть первой. Я люблю свою руку.

Несмотря на предупреждение, полицейский Ричардс орудовал кусачками очень ловко, и вскоре ее запястье было свободно. Эспин потеряла красный круг на коже. Между тем было освобождено и запястье Брейди.

Он немедленно пожал руку полицейскому. Совместное времяпрепровождение закончилось, и Брейди опять принял суровый вид неприступного бюрократа, с которым Эспин ехала в лифте. Это было поражение...

– Спасибо. Если вам от меня ничего не нужно... – (Полицейский покачал головой.) – До свидания, Роберт. Эспин, мне было... интересно познакомиться с вами.

– Мне тоже. Надеюсь, сегодня с вами больше ничего не случится.

И Брейди ушел, а комната показалась большой и пустой.

– Всего доброго, офицер...

– Не торопитесь.

Через тридцать неприятных минут Эспин смогла наконец уйти. Предупреждения полицейского Ричардса еще звенели у нее в ушах; этот человек явно был против инцидентов на своей территории.

Большинство протестующих разошлись. Осталась небольшая группа во главе с Джекки, председателем «Инициативы планеты людей» и организатором митинга, но и они успели растратить энергию.

Эспин, сходя со ступенек, помахала им рукой, и Джекки пошла через улицу ей навстречу:

– Я все сняла. Это было замечательно. Твои родители будут гордиться.

– Ты думаешь?

– Уверена. Я выложу видео в Интернет, а ты можешь послать им ссылку.

– Они все еще поправляют здоровье на Гаити. И не всегда могут добраться до Интернета.

– Ну, тогда покажешь им потом. Первый подвиг их девушки. – Джекки подняла маленькую видеокамеру. – Ну, Эспин Бридлав, каково это – протестовать в наручниках?

Эспин нахмурилась:

– Все не так, Джекки. Это была глупая выходка. Кирби поступил необдуманно.

– Но ты привлекла внимание. Это отличный первый шаг.

– Может быть. А может, и нет. Но у меня появилась надежда: когда-нибудь кто-нибудь выслушает нас. Это все, чего я хочу. – (Джекки подняла брови.) – То есть, – поспешила поправиться Эспин, – это начало пути к тому, чего хотим все мы. Чтобы кто-нибудь выслушал нас.

Джекки выключила камеру:

– Иди домой. Ты сегодня хорошо поработала.

– Посмотрим. – Эспин подумала об обещании Брейди помочь. И, увидев недоумевающий взгляд Джекки, добавила: – Я потом тебе объясню.

Не стоит пробуждать напрасную надежду.

Когда она шла к метро, абсурдность сегодняшних событий поразила ее. Правда, Брейди Маршалл ужасно привлекателен, но об этом Эспин никому не собиралась говорить.

Она села в вагон, гордая оттого, что ей хоть что-то удалось сделать. Немного, но это начало. Шаг за шагом...

Знакомое покачивание и постукивание вагона убаюкало молодую женщину. Она закрыла глаза, и лицо Брейди Маршалла тут же предстало перед ее глазами. У Эспин вырвался легкий вздох. И теплое чувство вновь проснулось в ней.

Она страстная. Она искренняя.

А сорок восемь часов спустя она стала звездой Интернета.

Глава 2

– Неподражаемо! Ты, прикованный наручниками к хиппи! Я сделал увеличенную копию снимка и повесил над письменным столом. А Финн попросил одного из своих ребят вставить его в рамку. Пальчики оближешь! Я pošлю тебе видео.

Итан так смеялся, что Брейди с трудом мог понять его. Он откинул голову на спинку сиденья лимузина и потер переносицу, чтобы унять усиливающуюся головную боль.

Это была последняя капля. Брейди пришлось иметь дело с прессой, дедом, бабушкой и председателем комитета по переизбранию в сенат только потому, что какой-то полоумный решил сыграть с ним глупую шутку. Видео разлетелось повсюду, а слова Эспин «Это все, чего я хочу. Чтобы кто-нибудь выслушал нас» стали лозунгом недовольных активистов по всей стране.

К понедельнику Интернет гудел. Во вторник всерьез взялась за дело пресса и удвоила шумиху. Блогеры раскрутили скандал, а Эспин стала символом движения, которого три дня назад еще не существовало.

А Брейди объявили символом политики старой школы. И никого не волновало, что он не политик. Он – Маршалл. Этого достаточно.

Остатки терпения понадобятся ему, чтобы выдержать встречу с отцом и новыми консультантами предвыборной кампании. Он не может тратить ни капли на своих братьев.

– Это совсем не так интересно, как хочет показать пресса.

– Но все-таки забавно. Да, Лили просит напомнить тебе, что она, по крайней мере, никогда не совершала «позорного дефиле» в наручниках перед национальной службой новостей.

Невеста Итана в молодости не раз попадала в полицию – факт, который они, по возможности, старались не предавать гласности. Правда, Итана не заботило ни прошлое Лили, ни тот факт, что членом столь известной семьи станет бывшая нарушительница закона. Брейди радовался, что его брат счастлив, но Лили уже не раз становилась причиной его головной боли.

– Ты звонишь мне по делу, Итан?

– В общем, нет. – Судя по всему, Итан пожал плечами. – Просто хотел тебя подразнить.

– Ты преуспел.

– Я любопытен. Ты ее выслушал?

– В каком-то смысле. Я сказал, что постараюсь устроить ей встречу с кем-нибудь из людей отца. И она, думаю, была бы довольна, если бы не началась шумиха. Представь, симпатичная девушка становится звездой Интернета, попадает на первые полосы газет.

– Так ты думаешь, она симпатичная?

Порой Итан переходит все дозволенные границы.

– Это важно?

– Она не подходит под твои стандарты. А ты никогда не отступаешь от них.

От головной боли у Брейди закрывались глаза.

– Ты любишь изображать идиота.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Потому что вопрос идиотский. – Лимузин остановился у дома Маршалла-старшего. – А теперь мне надо идти и сражаться с последствиями всего этого.

– Похоже, сенатор немного недоволен. – Итан саркастично хмыкнул. – Это хорошо.

– Для тебя, возможно, для меня – нет. Мне не хочется терять время на глупую прессу. Добиться его переизбрания – моя задача.

– Ты работаешь на него по доброй воле.

– Да, потому что я способен видеть кое-что, кроме мелких интересов и детских капризов.

Итан что-то пробормотал, но Брейди это уже не интересовало. Он сухо попрощался и прервал связь. Итан не способен за своими собственными проблемами с отцом увидеть более широкие горизонты. Возможно, Дуглас Маршалл был не очень хорошим отцом, но он был прекрасным сенатором. Наследие деда, как ни странно, попало в надежные руки.

В этом все дело, а Итан не желает понять. Дед был львом в сенате, и отец продолжил эту традицию. Пока он остается ей верен, Брейди будет бороться за то, чтобы Дуглас сохранил свое кресло.

Следовательно, надо переключить внимание с Эспин Бридлав на серьезные дела.

Брейди взлетел по лестнице, шагая через две ступеньки. Дверь кабинета отца была открыта, оттуда слышались голоса. Войдя в кабинет, он удивился: сенатор, Натан и новые консультанты уже сидели за круглым столом для совещаний. И, судя по пустым чашкам из-под кофе, включенному компьютеру и куче бумаг на столе, они работали уже давно.

– Я опоздал?

Джейн, одна из консультантов, которых Брейди пригласил только на прошлой неделе, взглянула на него несколько удивленно. Натан только пожал плечами. А отец был раздражен, как всегда:

– Твоя подружка-хиппи устроила эдакую бурю...

– Буря утихнет.

– Возможно, но мне надоело видеть и ее лицо, и твое каждый раз, как я смотрю новости.

В доказательство своих слов отец включил телевизор. На одной стороне разделенного пополам экрана появилась Эспин, трусившая за ним, когда они выходили из здания, а потом их сковали наручниками. На другой стороне демонстрировался ролик, в котором говорилось о глухоте конгресса к многочисленным протестам. Дикторша раз пять упомянула Маршаллов, словно это была их вина.

Потом на экране появилась Эспин. Она давала что-то вроде маленькой пресс-конференции в помещении, похожем на книжный магазин:

– Мне кажется, реакция, которую мы сейчас наблюдаем, демонстрирует, насколько наши законодатели оторваны от народа, который они вроде бы представляют. Каждый имеет право быть услышанным.

Брейди видел этот ролик не в первый раз, но его опять поразило, как естественно и спокойно Эспин держится перед камерами. Возможно, она немного экзальтирована, но умна и умеет отстаивать свою точку зрения.

Отец выключил звук:

– Поскольку мисс Бридлав решила приковать себя наручниками к тебе, мой офис оказался в эпицентре бури. А я виноват во всем, что плохо в Вашингтоне.

Брейди сел за стол. Джейн оторвалась от компьютера.

– А Марк Тейлор уже воспользовался этим, – прибавила она. – История становится элементом предвыборной кампании, и то, что имя Маршалла напрямую связано с волной протестов, не очень хорошо для сенатора.

Если бы он позволил дверям лифта закрыться у нее перед носом... Хорошие манеры, похоже, не всегда хороши. Хотя, с другой стороны, именно такие вещи делают выборы интересными, настоящей борьбой. Это надо повернуть в нужную сторону...

Отец прервал его размышления:

– Не расслабляйся, Брейди. Тебе придется немного поработать в поле.

– Почему и где?

– Мне нужно сделать мисс Бридлав моим другом прежде, чем Марк Тейлор сделает ее моим врагом и использует против меня.

– Такой план хорош. Действительно...

– Я рад, что ты согласен. Ты ее наймешь.

– Прошу прощения...

– Ты наймешь мисс Бридлав. Сделаешь ее членом моей команды.

Брейди никогда не слышал ничего более смехотворного.

– И что она будет делать? Протестовать?

– Слушать. – Отец хитро улыбнулся. – Мисс Бридлав станет официальным слушателем.

– Такой должности нет.

– Теперь будет. Озабоченные, встревоженные граждане смогут обращаться не в мой офис, а к мисс Бридлав. Она будет выслушивать их жалобы и сортировать их, чтобы в дальнейшем представить мне.

Головная боль разыгралась с новой силой.

– Ты говоришь серьезно?

– Более чем. Мисс Бридлав будет занята, у нее не будет времени появляться перед телекамерами, и все увидят, что я с вниманием отношусь к тревогам людей и специально для этого подобрал человека, к которому они всегда могут обратиться.

– И любой, у кого есть хоть капля сообразительности, сразу раскусит смысл игры, – возразил Брейди. – Это не ход. Выслушивать граждан и отвечать им – задача людей из твоей команды.

Джейн покачала головой:

– Такая стратегия поможет победить на выборах.

– Значит, это ваша идея, не так ли?

Брейди посмотрел на нее так, что она слегка вздрогнула, прежде чем кивнуть.

– А поскольку она приковала себя наручниками к вам, вы должны привлечь ее на нашу сторону.

Он повернулся к отцу:

– А когда кампания закончится?

– Мисс Бридлав сможет вернуться к тому, что привело ее в мой офис.

Следовательно, сенатор не собирается выслушать ее. Это хуже, чем игра. Это шаг к популизму. Это бесчестно по своей сути. Брейди забеспокоился. Они всегда были выше подобных трюков.

– У меня сложилось впечатление, что Эспин искренний человек. Она сочтет ваше предложение честным. А когда узнает, что это не так, реакция последует непредсказуемая.

– Это честное предложение, – сказал Дуглас Маршалл. – Я предлагаю ей работу. Помимо этого мы не даем никаких гарантий, а следовательно, не обманываем ее.

– Только теоретически.

Отец вздохнул:

– Боже праведный, Брейди, ты заговорил, как Итан с его поисками правды и справедливости. Ты же умеешь смотреть шире. Просто найди для девочки рабочее место и дай ей направить энергию в другую сторону.

Брейди сделал последнюю попытку:

– Если мы так поступим, то создадим опасный прецедент, и активисты по всей стране начнут приковывать себя наручниками к политическим деятелям.

– Мы рискуем, да, но я готов пойти на риск. – Дуглас кивнул Натану, и тот перебрал Брейди через стол пачку бумаг. – Мэри Эспин Бридлав, двадцать семь лет, родилась за границей от родителей-американцев, росла в США в общинах хиппи. Некоторое время училась в колледже, занималась, в основном, социологией. Затем занялась приставанием к людям. Большой список активных выступлений и делания добра. В полицейских сводках не значится. В настоящее время живет в Арлингтоне. Уверен, тебе будет приятно работать с ней.

То есть Эспин теперь официально стала его проблемой.

Эспин посмотрела в щелочку между занавесками и хмыкнула.

Она повалилась на диванчик, и тот протестующе заскрипел. Эспин чувствовала себя пленницей. Видео распространилось быстрее, чем она успела качнуть головой, и вся нация оказалась у ее порога. Вообще-то, это порог Марго, потому что Эспин живет над ее книжным магазином. Магазин теперь переполнен, и Марго в восторге от бесплатной рекламы и огромных продаж – результатов популярности Эспин. А самой Эспин пришлось взять отпуск, и ее место в магазине заняла племянница Марго. Около магазина крутилась толпа журналистов. На другой стороне улицы маленькая демонстрация выражала поддержку новому «движению», которому она якобы положила начало.

Ей следовало бы гордиться тем, что она сделала, особенно если учесть, сколь малых усилий это потребовало. Каждый активист мечтает о таком внимании к своей персоне, но, к сожалению, не на это Эспин рассчитывала, пустившись в погоню за Брейди Маршаллом.

Вчера вечером она выключила телефон и стала ждать, когда утихнет шум. Хорошо, что лестница в ее квартиру находится в задней части магазина, и никто не стучит в ее дверь.

Однако кто-то постучал.

Эспин сползла с диванчика и пошла к двери, гадая, кого это Марго могла впустить. Но кто бы это ни был, хорошо бы он принес немного еды. И если честно, она немного скучала и была не против с кем-нибудь пообщаться.

Эспин страшно смутилась, когда, открыв дверь, увидела Брейди. Здесь. У ее двери. Зачем?

– Мистер Мар... То есть Брейди. Привет. – Она провела рукой по волосам, пытаясь пригладить непослушные кудри. – Что привело вас ко мне?

– Я пришел поговорить с вами.

Хорошо это или плохо?

– Конечно.

Брейди улыбнулся. Ее странная реакция на его присутствие усилилась.

– Вы позволите мне войти?

– Пожалуйста.

Эспин посторонилась. Когда он шел мимо, запах, который она хорошо помнила, коснулся ее ноздрей. Женщина сделала глубокий вдох.

Брейди выглядел спокойным и беззаботным. Сейчас его вроде бы не сердила буря, которую подняла пресса. Но почему он пришел?

– Я немного удивился, обнаружив по вашему адресу магазин. Наверное, удобно жить там, где работаешь.

– Да. И дешево, – добавила Эспин с усмешкой. – Извините меня за беспорядок. – Она протиснулась мимо Брейди, сгребла с диванчика одежду и книги и забросила в шкаф. – Просто мне приходится сидеть дома.

– Я проложил себе путь к вашему дому сквозь толпу, так что понимаю, почему вы прячетесь.

– Наверняка ваше появление подлило масла в огонь.

– Так и было.

Он не стал излагать подробности, но раздражение отразилось на его лице.

Значит ли это, что сейчас она получит нагоняй?

– Пожалуйста, садитесь. Могу я предложить вам попить что-нибудь? Сок? Воду? Травяной чай?

Эспин никак не могла понять, почему Брейди пришел сюда. Этот факт сильнее озадачил, наверное, только репортеров на улице.

В безупречном, сшитом на заказ костюме он выглядел совершенно неуместно на ее шатком диванчике среди пестрых подушек. Лучики солнца, проникая сквозь занавески, отражались от граней зеркала и зажигали на его лице маленькую танцующую радугу.

Брейди отклонил ее предложение, слегка покачав головой. Казалось, он совершенно расслабился: откинулся на спинку диванчика, положил ногу на ногу.

– Там, снаружи, что-то вроде цирка.

Эспин присела на подлокотник диванчика – так далеко от него, как могла.

– Знаете, я рада, что люди стараются обрести голос и что пресса уделяет этому такое внимание, но мне бы хотелось...

Уголки его губ приподнялись.

– Чтобы это происходило где-нибудь еще?

– Вот именно. – Эспин вздохнула. – Это очень плохо с моей стороны?

– Отнюдь. Вам не нравится быть в центре внимания.

– Верно. Есть масса вещей, которые заслуживают хотя бы половины того внимания, которое оказывают мне только потому, что Кирби поступил по-идиотски.

Брейди усмехнулся:

– Я сказал сенатору, что вы искренне верите в то, что делаете.

Он говорил со своим отцом? Не с кем-то из служащих? Ух!

Брейди посмотрел на стоявшую на столике фотографию.

– Это мои родители. – Эспин подала ему фотографию, и он удивленно взгляделся в нее:

– Они действительно прикованы к ограде Белого дома?

– Да. Если вы посмотрите на плечо отца, увидите за ним мою макушку. Он посадил меня в рюкзак.

Брейди поднял бровь:

– Первый протест младенца?

– Третий.

Брейди поставил фотографию на место и покачал головой:

– Значит, наручники – это у вас семейное.

– Нет. Они приковали себя к ограде специально.

– Я имею в виду протесты.

– Ах, это? Да. Родители всегда были активистами. Антивоенное движение, защита окружающей среды, гражданские права – все это достойные цели. Не помню, против чего именно они протестовали, когда был сделан этот снимок.

– Вы хотите сказать, что они приковывали себя не один раз?

Удивление Брейди ее позабавило, но она подавила смехок:

– Именно. Они искренне верят в то, что делают. Хотят добиться перемен.

– А что они говорят об этом? – Он кивнул в сторону окна.

– Они рады, но еще не знают, какая огромная волна поднялась и насколько она вышла из-под контроля. – И Эспин добавила: – Мы не часто общаемся. Они сейчас на Гаити, поправляют здоровье.

– Судя по вашим словам, они хорошие люди.

Ее наполнило чувство гордости.

– Очень хорошие. Самые лучшие, если честно. Хотела бы я обладать их упорством.

– А вы не обладаете?

Нет, из-за чего папа и мама постоянно переживают.

– Мои родители хотят добиться перемен, а это требует жертв. Вы, конечно, понимаете это лучше, чем многие.

Брейди нахмурился:

– Что вы имеете в виду?

– Ваша семья занимается политикой. Они посвятили себя служению народу, высшему благу. – (Брейди, кажется, позабавило это утверждение.) – В душе я оптимистка. Поэтому делаю то, что делаю. И надеюсь, теми, кто занимается политикой, руководит то же самое – желание добиться перемен.

Брейди задумался:

– Теоретически – да. Практически... Ну, как когда.

– Значит, тем более люди должны заставить выслушать себя. Надеюсь, все, что там творится, – Эспин показала на окно, – приведет именно к этому. Больше контактов, честный диалог между людьми и теми, кто, как считается, представляет их интересы.

– Именно поэтому я здесь.

Ах да. Она забыла, что он пришел с какой-то целью. С целью, которая, возможно, ей не понравится. Вот опять. Она увлеклась разговором с Брейди. Это плохо. Но дело в том, что Эспин понравилось беседовать с Брейди. Она знала, что он находит ее странной и немного забавной, но с ним так легко! «И смотреть на него тоже приятно», – шепнул тоненький внутренний голосок, но Эспин быстро заставила его замолчать.

– Я слушаю вас.

– Отлично, потому что именно этим я хочу попросить вас заняться.

– Что? Слушать вас?

– Нет. Людей вообще.

Наверное, она упустила что-то очень важное.

– Извините, я не понимаю.

– Я предлагаю вам работу.

От удивления Эспин едва не упала. Конечно, Брейди шутит. Она всмотрелась в его лицо. Нет, он говорит серьезно.

– Но у меня уже есть работа. И не одна, если честно.

– Я надеюсь, вы изыщите возможность взять везде отпуск и начать работать на меня. – Он кашлянул. – То есть на предвыборную кампанию.

Уж не положила ли Марго сегодня утром какую-нибудь травку ей в кофе? А если это не галлюцинация, тогда... Ух!

– Я... – Эспин откашлялась. У нее еще есть шанс спасти ситуацию, если она сможет быть разумной и профессиональной. – Это очень мило... заманчиво, но я ничего не понимаю в предвыборной стратегии.

– И не надо. Это моя обязанность. – Она хотела перебить его, но он поднял руку. – Вы очень умны. Не сомневаюсь, вы быстро освоитесь.

Почему от комплиментов Брейди все теплеет и светлеет внутри?

– Я не хочу участвовать в предвыборной кампании. Это не тот вид деятельности, который меня интересует.

– Я бы возразил вам, сказав, что в каком-то смысле именно тот. – Он подался вперед и уперся локтями в колени. – Сенатор Маршалл предлагает вам выслушивать граждан. Те, кто хочет, чтобы их голос был услышан, будут обращаться к вам – в рамках кампании. А вы должны отобрать самое важное и дать нам рекомендации, указать, какие именно проблемы мы должны решать в первую очередь.

– Вы серьезно?

– Совершенно серьезно. Эта история показала отцу, что люди считают, будто им хотят заткнуть рты, и возмущены этим. Он хочет быть сенатором, который прислушивается к своим избирателям.

Все это хорошо в теории. Но она вряд ли подходит для такой работы.

– У меня нет опыта...

– Я не согласен. Вы работали в «Движении за мир», в общественных организациях. Вы проявили искреннюю заинтересованность, а значение имеет только это. Я бы сказал, вы идеально подходите для такой работы.

– Вы собирали сведения обо мне или как?

В памяти Эспин всплыли разговоры родителей о вмешательстве в личную жизнь граждан. Может быть, это действительно не паранойя?

– Да.

И он не видит в этом ничего страшного.

– Я не знаю...

– Кроме того, внимание прессы переключится.

Это было бы неплохо.

– Каким образом?

– Вы – центр их притяжения. Но если вы станете ушами сенатора Маршалла, они больше не смогут изображать вас мученицей. Блюдо потеряет остроту. Одна пресс-конференция...

– Что? Пресс-конференция?

Брейди кивнул:

– Первое, что надо сделать завтра утром. Объявить о вашем новом положении.

Слова застряли у нее в горле. Она заставила себя встряхнуться.

– Вы не даете мне времени на размышления.

– Таково первое правило предвыборной кампании, Эспин. Действовать быстро.

Она встала и прошла к раковине попить воды.

– Не знаю, Брейди. Если честно, мне не очень нравится эта идея. По многим причинам.

Диванчик скрипнул, и Эспин поняла, что Брейди тоже встал. Но она не ожидала, что он положит руку ей на локоть. От прикосновения тепло разлилось по всему телу.

Что было еще одной, очень серьезной причиной для отказа. У нее легко могут появиться ненужные фантазии относительно Брейди Маршалла. Точнее, уже появились и всплывают на поверхность в самые неподходящие моменты.

– Почему вы не хотите? – спросил он.

Когда Эспин обернулась, Брейди был совсем близко, и она невольно устремила взгляд на его широкую грудь. А прямо у нее за спиной стоял кухонный столик. Отступать было некуда.

Почему эта квартирка такая маленькая?

– Ну... – Эспин искала вескую причину, которая могла бы удовлетворить Брейди. – Я в каком-то смысле противница системы. Работать на систему – значит вступить в противоречие с самой собой. Моя голова этого не выдержит. А у родителей будет инфаркт.

– Ну, считайте, что вы внедряетесь в стан врага. Подумайте, сколько сведений вы получите о внутреннем устройстве системы. Со временем вы сможете использовать их против нее.

На сей раз его шутка рассердила Эспин. У нее вновь возникли подозрения.

– Вам, кажется, очень хочется, чтобы я взялась за эту работу. Почему?

– Я не пришел бы к вам, если бы не хотел.

Она скрестила руки на груди:

– А какая вам от этого выгода?

– Лично мне? – Он пожал плечами. – Я как руководитель кампании хочу выиграть выборы. Вы способны в этом помочь. Честно говоря, выиграют все – я, вы, сенатор Маршалл, добрые жители штата Виргиния.

Эспин стало стыдно. Она знала, что в политике есть много профессиональных лжецов, но у нее не было причин не верить Брейди. Он мог бы, например, в пятницу добиться, чтобы ее арестовали, но ничего не сделал. Вместо этого обещал предоставить ей возможность изложить свое дело в офисе сенатора. А теперь он предлагает выход, как успокоить это безобразие.

Но работать на каменную стену, которую она всю жизнь пыталась разрушить...

С другой стороны, это временная работа. Выборы состоятся через пять с небольшим недель. Это не значит, что Эспин продает душу дьяволу. Если не получится, она ничего не теряет. Система не может игнорировать ее сильнее, чем игнорирует сейчас. А если, как утверждает Брейди, из этого что-то выйдет...

А родители? С ними предстоит неприятный разговор. Но они на Гаити и пробудут там еще долго. Все будет позади к тому времени, как они вернутся. И почему не попробовать добиться перемен, находясь в гуще событий?

– Ну? – поторопил ее Брейди.

И вернул Эспин к личной проблеме. Сможет ли она работать с Брейди и не думать о нем каждый день? Конечно, есть шанс, что она будет редко видаться с ним или не видаться вообще.

«Похоже, я себя уговорила», – вздохнула Эспин.

– Хорошо. Я принимаю ваше предложение.

Эспин смотрела на Брейди весело и подозрительно одновременно, что его, в общем, не удивило. Удивил тот краткий миг, когда она позволила маске упасть и взглянула на него, как на сладкое кушанье, которое ей очень хочется съесть, несмотря на мысли о поглощенных калориях. Это было эхо того чувства, которое испытывал он сам, из-за которого был готов поискать другой план выхода из кризиса.

– Что ж, хорошо. Пресс-конференция завтра в десять утра. – Он посмотрел на обтягивающие джинсы и поношенный жакет Эспин и подумал, не обсудить ли с ней, как она будет завтра одета. Но потом огляделся и решил, что это не имеет смысла. В команде работает стилист. Она возьмет это на себя. – Я пришлю за вами машину.

Эспин удивленно подняла брови:

– Пришлете машину? Где же состоится пресс-конференция?

– В штабе кампании, конечно.

– Но отсюда до штаба не больше мили.

– И?

– И я могу дойти туда пешком или доехать на велосипеде. – Эспин скрестила руки на груди. – Первое, на что я хотела бы обратить ваше внимание, – неэкономное расходование ресурсов, как, например, «пришлю машину». Это плохо и для людей, и для предвыборной кампании.

Брейди подавил вздох, как только Эспин начала свою явно часто произносимую речь.

Да, он еще в этом раскается.

Глава 3

Утром в четверг Марго отпирала магазин, когда Эспин спустилась вниз. Она была готова к первому рабочему дню, но все еще не уверена на сто процентов, что поступает правильно.

– Доброе утро, – пропела Марго. – Ты выглядишь чудесно!

Эспин поправила черную юбку:

– Ты думаешь?

– Конечно. И не только чудесно. Профессионально. Как деловая женщина. Они все просто упадут. Вот, возьми. – Марго протянула ей дорожную кружку. – Травяной чай тебе не помешает.

Марго постоянно опекала ее, и сегодня Эспин была благодарна ей за это. Ей требовалась поддержка. Она не могла решить, что выбивает ее из колеи сильнее – предложение Брейди, тот факт, что она приняла это предложение, или ее странная реакция на него. Прошлой ночью около полуночи Эспин убедила-таки себя, что сможет работать и держать гормоны под контролем. Но мешки под глазами выдавали шаткость сего убеждения.

– Ну, иди. А то опоздаешь на пресс-конференцию.

– Извини, что я бросаю тебя без предупреждения...

– Ничего. Аннабелла справится. А ее мать будет рада, что девочка наконец займется делом вместо того, чтобы просто шататься по дому.

– Честно?

– Раз уж тебе придется работать на политическую машину, поверь, милашки вроде Брейди Маршалла сильно облегчают жизнь. Я и сама подумываю, не заняться ли мне политикой.

– Не говори глупости. Он – руководитель кампании, очень-очень занят, и я вряд ли буду часто видеть его, если вообще увижу. Только на пресс-конференции.

– Жаль. – Марго погладила ее по руке. – Ну, иди.

Все было спокойно. Приятно сознавать, что после шумихи последних дней жизнь входит в нормальное русло. Вчера Брейди, уходя от нее, сделал заявление для прессы. И произошло чудо. Около магазинчика бродили только несколько фоторепортеров. Но у штаба кампании их наверняка будет много.

Завернув за угол, Эспин осторожно попробовала содержимое кружки. Потом зашла в кафе и протянула кружку Джо, хозяину заведения. Тот вылил напиток в раковину, наполнил кружку крепким горячим кофе и с улыбкой вернул ее Эспин.

– Спасибо, Джо. Ты все правильно понял.

– Марго хотела, как лучше.

– Я знаю. Но я люблю кофе. – Прежде чем закрыть крышку, она с наслаждением вдохнула аромат. – И сегодня он мне понадобится.

Джо отказался от денег:

– Я угощаю. Удачи.

Эспин помахала ему рукой, и он занялся другим клиентом. У нее было еще много времени, но кофе и натянутые нервы погнали женщину вперед. Она добралась до штаба вдвое быстрее, чем рассчитывала. Там действительно собрались журналисты, хотя не так много, как вчера. Может быть, пресса уже потеряла интерес?

Эспин сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и открыла дверь туда, куда никогда не собиралась входить. Предвыборный штаб оказался вовсе не таким, как она думала. Это был старый магазин, заставленный теперь столами, компьютерами и телефонами. И на всех стенах висели плакаты сенатора Маршалла. Было чуть больше девяти, но человек двенадцать уже говорили по телефону или раскладывали бумаги по конвертам. Деловой день начался.

Эспин легко нашла Брейди. Он стоял у стены и беседовал по телефону. Его пиджак висел на спинке стула, рукава рубашки были закатаны, открывая руки – такие же загорелые, как лицо.

Она постаралась сконцентрироваться на его галстуке, красном в мелкую синюю полоску. Не ее дело замечать что-либо еще.

Даже если бы Эспин не знала, что Брейди тут главный, сразу угадала бы, кто босс. Он заполнял собой все пространство, да и деятельность остальных сотрудников вращалась вокруг него.

Потом Брейди поднял глаза и увидел Эспин. Странное чувство – смесь возбуждения и нервозности – охватило ее. Он поманил женщину рукой, но она продолжала идти медленно, надеясь, что сердцебиение вот-вот придет в норму.

Брейди оглядел ее и нахмурил брови, но при этом продолжал говорить по телефону. Эспин беспокойно переминалась с ноги на ногу.

Он повесил трубку, поднял одну бровь и поинтересовался:

– Кто умер?

Это ее рассердило.

– И вам доброго утречка, – процедила она.

Брейди принял упрек, кивнув:

– Доброе утро, Эспин. Рад вас видеть. Seriously, кто-то умер?

– Что?

– Вы выглядите так, будто собрались на похороны, – заметил он с неодобрением.

– Мне казалось, что на такой работе следует выглядеть консервативно.

Женщина ненамного старше Эспин подошла к Брейди и передала ему лист бумаги. Брейди взглянул на него, потом представил ее:

– Это Лорен, моя секретарша. Она поможет вам разобраться в делах. Если вам что-то будет нужно, обращайтесь к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.